

Так сияют очи ясны,
Сладок голос уст твоих.
Все черты твои прекрасны...

сменяется несколько настораживающей строфой:

Мы сперва к тебе влекомы
Внешней вида красотой,
Более с тобой знакомы,
Забываем образ твой.³⁵

Внешний «образ» оказывается забытым для того, чтобы уступить место воспеванию «добродетелей твоих», души, открытой состраданию, и т. д. Возможно, что склонность Муравьева к морализации, сказывающаяся даже в «легких» стихах, объясняется влиянием нравственно-этического воспитания, полученного им в кружке Хераскова. Ведь каждое серьезное литературное увлечение Муравьева оставляло свои следы в его творчестве. Это относится даже к юношескому преклонению перед Ломоносовым. Если и Сумароков, и Херасков возмущались «сопряжением далековатых идей» и отсутствием, по их мнению, логичности в одах Ломоносова, выступали против теории вдохновения, ставя во главу угла рациональное, то Муравьев, хотя и в несколько измененном виде, принимает эти положения Ломоносова. В стихотворении с достаточно многозначительным названием «Сила гения» он категорически утверждает мысль о примате вдохновения как единственного источника подлинного искусства:

Не размышление творит
Своим исчисленным и соразмерным шествием,
Но чувствование всесильным сумашествием
Чудес рождение скорит.

Такова основная мысль этого стихотворения. Но следует сразу же оговориться, что в своей творческой практике Муравьев далеко не всегда стремится ей следовать. Если многие его произведения написаны в вдохновением или «под вдохновение», то в целом ряде «безделок» внимание автора занимают в первую очередь изящество стиля и музыкальность звучания. В таких миниатюрах поэтической формой облекается случайная мысль или даже смутный намек, какой-нибудь отдельный образ, сравнение, деталь.

Любови, Грации, простите
И за подругою летите
За Ниной, вашей и моей,

³⁵ ГПБ, папка № 13.